

— Учитель Шэнь, можно тебя поцеловать? — спросил Чжоу Цзыфэй.

В мягком утреннем свете его черты казались немного размытыми, но оттого лишь более нежными.

Наклонившись к Шэнь Цзя, сидевшему на диване, он едва ощутимо коснулся его уха, привычно и ласково заправил за него несколько выбившихся прядей и посмотрел на него с затаенной, глубокой любовью.

Шэнь Цзя опешил. Но когда горячая ладонь легла ему на плечо, он, вздрогнув, едва не подскочил на месте. Вынужденный опереться рукой о спинку дивана, чтобы не потерять равновесие, он растерянно захлопал ресницами.

— По... поцеловать...?

Чжоу Цзыфэй подался ближе. Оперевшись ладонью о диван рядом с бедром Шэнь Цзя, он поднял голову и снизу вверх, с неописуемым обожанием вгляделся в его лицо.

Тонкие изогнутые брови, округлившиеся от удивления глаза, влажные пухлые губы... Они были слегка приоткрыты, и Цзыфэй, кажется, наяву почувствовал доносившийся от них сладкий, пьянящий аромат.

— Да. Поцеловать.

Чжоу Цзыфэй ответил без колебаний, с такой обезоруживающей откровенностью, что у Шэнь Цзя мурашки побежали по коже.

— Не... нельзя, так не пойдет... Ты, должно быть, просто не проснулся... Ничего страшного, тебе, наверное, кажется, что ты все еще спишь...

Лихорадочно придумывая за него оправдания, Шэнь Цзя дернулся в сторону, намереваясь сбежать, но крепкая хватка на запястье заставила его замереть.

Повернувшись к Чжоу Цзыфэю спиной, он устался на паркет. На полу возникла плотная тень, которая быстро накрыла его собственную.

— Почему нельзя? — тихо спросил стоявший за спиной Чжоу Цзыфэй.

Шэнь Цзя повернулся к нему. Он отчаянно пытался вырвать запястье из чужих пальцев, от волнения на лбу выступили капельки пота.

— Нельзя, и все тут...

Он не мог объяснить причину, а просто упрямо пытался увернуться, давя в себе даже смущение, вспыхнувшее в миг, когда он впервые услышал эту просьбу.

Чжоу Цзыфэй и не думал отступать:

— Можно, учитель Шэнь... Нам можно поцеловаться... Всего один разочек, ну пожалуйста... Вы же знаете, я всегда вас слушаюсь... Я буду очень нежным, честное слово. Вам точно не будет неприятно...

Никто и никогда еще не выпрашивал у Шэнь Цзя поцелуй так откровенно и вместе с тем по-детски капризно. На его бледных щеках густо вспыхнул алый румянец, будто закатное солнце озарило чистый снег.

И все же, несмотря на этот пылкий шквал ласковых уговоров, он отвернулся и промолчал, надеясь молчанием укрыться от обжигающего признания.

Чжоу Цзыфэй наступал. Высокий, подтянутый, с явным напором юношеской силы, он вынуждал Шэнь Цзя отступать шаг за шагом, пока тот не уперся спиной в стену.

Понимая, что бежать больше некуда, Шэнь Цзя окончательно замкнулся, застыв на месте, словно испуганный зверек, оцепеневший от стресса.

Ему было страшно.

Страшно довериться кому-то, распахнуть душу и тело в чужих объятиях. И дело было не только в уродливых шрамах, вьёвшихся в кожу, но и в словах Юй Сяньхана, который когда-то бросил ему, что в постели с ним скучно и он абсолютно безнадежен.

Горечь прошлого и крах неудавшегося брака заставляли Шэнь Цзя разрываться между двумя крайностями: то он радовался, что лишен привлекательности — ведь так его никто не сможет ранить, — то унывал, осознавая, что не способен вызвать в любимом человеке желание к своему телу.

— Учитель Шэнь... я так хочу вас поцеловать. Ужасно хочу, каждый божий день...

Голос Чжоу Цзыфэя осип. Он уперся ладонью в стену возле головы Шэнь Цзя, нависнув над ним широкими плечами и заслоня собой весь свет.

Услышав эти слова, Шэнь Цзя набрался храбрости и поднял взгляд.

Перед ним было красивое, нежное, полное юношеского жара лицо человека, который был от него без ума.

А ведь на самом деле Шэнь Цзя очень любил обниматься и целоваться.

Ощущать чужое теплое тело, с замиранием сердца отвечать на ласки, сливаться в поцелуе — все это наполняло его душу щемящим, давно забытым уютом.

"Может... стоит попробовать?"

Пока он колебался, Чжоу Цзыфэй бережно взял его за руку и положил себе на плечо. Чужое жаркое тепло пробилось сквозь ткань одежды, заставив Шэнь Цзя от неожиданности поджать пальцы.

— Если вам хоть на секунду станет неприятно, просто хлопните меня по плечу, хорошо? Стоит вам сказать «хватит», и я тут же остановлюсь.

Чжоу Цзыфэй дал обещание снова, не сводя с него пристального, исполненного пылкой страсти взгляда.

Столько любви, столько нежности, столько неутолимой жажды...

Поймав этот взгляд, Шэнь Цзя почувствовал, как стена страха в его душе дала трещину — будто тонкий весенний лед, поддавшийся первому теплу. Напряжение спало, оцепенение отступило.

Его ладонь соскользнула с плеча парня на грудь.

Под пальцами билось живое, горячее сердце, перекачивались упругие мышцы. Все в нем дышало мощью и юностью сильного мужского тела, хозяин которого с такой безудержной страстью вождедел именно его.

В иссушенном, опустевшем нутре Шэнь Цзя словно пробился родник: горячая волна разлилась по телу до самых кончиков пальцев, пробуждая давно уснувшую чувственность и тайную жажду.

От этого нежданного порыва он невольно закусил губу, слегка прижав мягкую плоть зубами, а пальцы на ногах сжались от нарастающего трепета.

И все же он сделал последнюю, робкую попытку защититься:

— Но... даже если мы поцелуемся, это совсем не значит, что я согласен быть с тобой... — едва слышно прошептал Шэнь Цзя.

Цзыфэй еще не стал его парнем, ведь он пока не ответил на его признание — и тут уступать нельзя.

В глазах Чжоу Цзыфэя вспыхнул ликующий огонь. Не скрывая радости, он с жадным трепетом наклонился к нему.

— Я знаю...

Остаток фразы потонул в соприкосновении губ.

Такие мягкие, такие сладкие.

Едва прикоснувшись к мягким губам Шэнь Цзя, Чжоу Цзыфэй почувствовал, как его сердце зашло в сладостном изнеможении.

Они прижались щекой к щеке. Цзыфэю казалось, будто даже дыхание Шэнь Цзя источает нектар: вбирая его вместе с воздухом, он ощущал, как грудь наполняется невыразимой сладостью.

Чуть приоткрыв глаза, Цзыфэй увидел, что Шэнь Цзя крепко зажмурился. Его веки вздрагивали от напряжения, а пушистые ресницы трепетали — беспомощно, робко и до безумия мило.

"Какой же он трогательный..."

Не зная, куда деть захлестнувший его обожающий порыв, Цзыфэй едва удержался, чтобы не покрыть поцелуями его трепещущие веки.

— М-м...

Шэнь Цзя постепенно расслабился. Нежные, ласковые прикосновения теплых губ дарили невероятное наслаждение. Испытывая жажду, он приоткрыл рот, вымаливая большего.

Уловив этот смущенный призыв, Чжоу Цзыфэй не стал действовать напролом. Сначала он трепетно прильнул к изящной ложбинке на нижней губе, пригубил ее, а затем шаг за шагом увлек его дальше.

Незаметно сократив дистанцию, он мягко обнял его за талию, а второй рукой, упиравшейся в стену, аккуратно коснулся щеки.

Шэнь Цзя ничего не заметил — а может, просто позволил ему эту вольность.

Чжоу Цзыфэй и помыслить не мог, что обычный поцелуй способен заставить его руки дрожать от волнения.

Пальцы, лежавшие на талии Шэнь Цзя, дрогнули, а затем крепче сжались, притягивая его ближе. В тот же миг горячий язык скользнул за ровный ряд зубов, проникая в самую глубину.

Это было пристанище неги и исток нестерпимого вожделения.

Из груди Шэнь Цзя вырвался тихий, едва слышный стон. Он дрогнул, в уголках глаз выступили слезы, а кончики пальцев до покраснения впились в ткань на плече Цзыфэя, пока хрупкое тело невольно прогибалось навстречу.

Чувствуя, как Шэнь Цзя закипает от страсти, Цзыфэй сознательно замедлил темп: он ласкал его не торопясь, с глубоким чувством, смакуя каждую каплю этой сладкой влаги.

Запустив пальцы в волосы на затылке Шэнь Цзя, он ласково поглаживал большим пальцем нежную кожу за его ухом. От этого легкого касания Шэнь Цзя невольно склонял голову, сам доверчиво ластясь к чужой ладони.

Постепенно Шэнь Цзя обмяк, растаяв в его объятиях.

Рукав темно-зеленой пижамы сполз, обнажая белоснежное предплечье, испещренное старыми шрамами и следами от ожогов, но Шэнь Цзя не обратил на это внимания.

Обвив шею Цзыфэя, он притягивал его все ближе; под густыми ресницами плескалась сонная, хмельная нега, а тело подавалось вперед, бесстыдно и ласково ища еще большей близости.

Шэнь Цзя без остатка покорился этой чувственной ласке.

Стояла ясная глубокая осень. Солнечный свет заливал комнату, но в воздухе все еще чувствовалась прохлада.

Однако двое в гостиной, сплетшиеся в страстном поцелуе, дышали таким жаром, что вокруг них образовался свой собственный мир — единственный уголок в этом доме, где царило знойное лето.

Пока Шэнь Цзя и Чжоу Цзыфэй полностью отдавались поцелую, зажатый между подушками дивана телефон Шэнь Цзя непрерывно вибрировал. На экране одно за другим появлялись сообщения, сменявшиеся пропущенными вызовами.

И на каждом из них высвечивалось одно и то же имя:

Юй Сянхан.

<http://bllate.org/book/19971/1985910>